

На правах рукописи

Мохирева Светлана Викторовна

**МЕДИАДИСКУРС КАК РЕАЛИЗАЦИЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА СОБЫТИЯ
(на материале публикаций в русскоязычных СМИ)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Кемерово 2017

Работа выполнена на кафедре русского языка федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Ким Лидия Густовна

Официальные оппоненты:

Нестерова Наталья Георгиевна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (г. Томск);

Осетрова Елена Валерьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка и методики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева» (г. Красноярск)

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный университет»

Защита состоится «2» июня 2017 г. в 10:00 на заседании диссертационного совета Д212.088.01 на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет» по адресу: 650043, Кемерово, ул. Красная, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Кемеровского государственного университета и на сайте: <http://www.kemsu.ru>.

Автореферат разослан _____ 20__ г.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте КемГУ: http://www.kemsu.ru/pages/d01_ann_new.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М. Н. Образцова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено изучению медиадискурса как реализации вариативно-интерпретационного потенциала события.

Проблематика данного исследования определяется противоречием, заключающимся в несоответствии онтологической объективности реального события и множественности субъективных вариантов его репрезентации в публицистическом дискурсе СМИ.

Знание о событиях окружающей действительности является необходимым элементом «потребительской корзины» современного человека. Этим обусловлена определяющая роль СМИ как производителя и транслятора событийного потока, с одной стороны, и понимание значения СМИ в процессе формирования идеологической идентичности человека посредством конструирования повестки дня со стороны субъектов медийной коммуникации (социальных институтов, учредителей, редакций СМИ). Реальное событие является тем «сырьем», которое, отражаясь в медиадискурсе, концентрирующем событийную информацию в виде определенной модели, обозначает и объясняет принципиальные позиции его понимания и восприятия, в сущности закрепляя за ним тот или иной смысловой маркер. Проблема объективного воспроизведения событий в СМИ и их манипулятивное использование в связи с обострившимися в последние годы информационными войнами, а также изменением характера передачи информации (развитие сетевых технологий) в целом актуальна для обсуждения в сфере журналистики, когнитивной лингвистики, медиалингвистики, теории дискурса и ряде других научных направлений. При этом уникальный феномен события, множественность его информационно-содержательного потенциала позволяет рассматривать его проецируемый образ (вербальное событие) как объект исследования интерпретирующей лингвистики и с этой научной позиции выявить вариативность репрезентации в медиадискурсе его интерпретационных моделей.

Актуальность исследования определяется текстоцентризмом современной лингвистики, то есть ее интересом к русскому языку в разных сферах его функционирования, включая русскоязычные тексты медийного пространства. Кроме того, актуальность исследования обусловлена вниманием современной лингвистики к функционированию интерпретационного механизма языка и его результату – медиадискурсу как репрезентации интерпретационно-когнитивной модели события. Актуальность исследования заключается также в необходимости изучения лингвокогнитивного механизма интерпретации реального события, который определяет вариативность его концептуальной и языковой репрезентации как на тематико-композиционном, так и на языковом уровнях конструирования. Разработка поставленных в предлагаемом исследовании проблем обусловлена также необходимостью дальнейшего развития теории вариативно-интерпретационного функционирования текста, применяемой к медиадискурсу, который репрезентирует информацию о событии, а также включенностью данного исследования в научный контекст решения актуальных проблем интерпретационной лингвистики, медиалингвистики, когнитивной лингвистики, журналистики.

Теоретическую базу исследования составили работы, посвященные изучению когнитивно-дискурсивного направления современной когнитивной лингвистики: исследования Н. Ф. Алефиренко, Е. Г. Беляевской, Е. С. Грушевой, Т. А. ван Дейка, В. З. Демьянкова, О. С. Иссерс, В. В. Красных, Е. С. Кубряковой, М. Л. Макарова, Ю. Е. Прохорова, И. В. Рогозиной, И. В. Силантьева, Ю. С. Степанова, У. Л. Чейфа.

Универсальность и сложность онтологической природы феномена события определили обращение к философским работам З. Вендлера, А. А. Еникеева, Р. Иргардена, Н. Лумана, В. А. Подороги, В. П. Руднева.

Основой исследовательского подхода к осмыслению события и его репрезентации в СМИ послужили положения:

- общей теории интерпретации, в том числе труды К. А. Долинина, М. В. Гончаренко, В. Кузнецова, У. Эко, Р. О. Якобсона;

- интерпретационной лингвистики, изложенные в работах Н. Н. Болдырева, В. З. Демьянкова, Т. М. Дридзе, Н. Д. Маровой, И. П. Матхановой, Т. А. Трипольской, З. Я. Тураевой, И. А. Щировой;

- теории вариативно-интерпретационного функционирования текста, представленные в исследованиях Н. Д. Голева, Л. Г. Ким.

Изучение события в аспекте дихотомии «событие» – «текст» основывается, в том числе, на трудах по семантическому синтаксису В. А. Белошапковой, Т. М. Николаевой, Е. В. Падучевой, Т. В. Шмелевой; работе Е. В. Осетровой, проведенной на стыке семантического и коммуникативного синтаксиса, лексической семантики, теории языковой картины мира.

Специфика объекта исследования обусловила необходимость включения работ А. В. Болотнова, В. В. Витвинчука, Б. Н. Головки, М. Ю. Горохова, Т. Г. Добросклонской, Т. С. Дроняевой, Л. Р. Дускаевой, Л. И. Ермоленкиной, И. В. Ерофеевой, Т. Л. Каминской, Н. И. Клушиной, О. Н. Копытова, Г. С. Мельник, А. А. Негрышева, Н. Г. Нестеровой, А. В. Полонского, И. В. Рогозиной, Г. Я. Солганика, С. И. Сметаниной, Н. В. Чичериной, В. Е. Чернявской, направленных на изучение медиадискурса как предметной сферы медиалингвистики.

Следует отдельно отметить научные работы Т. В. Чернышовой, в которых рассматривается интерпретация одного события в газетно-публицистическом дискурсе, детерминированная когнитивно-речевым взаимодействием автора и адресата. Исследования Т. В. Чернышовой, выполненные в лингвоперсонологическом и социалингвистическом аспекте, позволяют осуществить анализ текстовых репрезентаций события в СМИ и выявить факторы, детерминирующие эти репрезентации. Реферируемая работа, направленная также на описание репрезентаций события в СМИ, выполнена в лингвоинтерпретационном аспекте, позволяющем на основе теории вариативно-интерпретационного функционирования текста выявить смысловой потенциал информации о событии и описать особенности его реализации в медиадискурсе. Несмотря на общность подходов к изучению текстовых репрезентаций события в СМИ, эти исследования выполнены в разных научных направлениях – лингвоперсонологии, социалингвистике, с одной стороны, и интерпретационной лингвистике, с другой, что позволяет дополнить накопленные знания о репрезентации события в медиадискурсе и механизмах его интерпретации.

Функциональные особенности СМИ, определяющие характер распространения информации о событиях, представлены в работах теоретиков журналистики А. Ю. Быкова, Е. Л. Вартановой, М. Н. Кима, Ю. М. Коняевой, О. Р. Лащук, Е. П. Прохорова, А. А. Тертычного, В. В. Хорольского.

Объект исследования – русскоязычные тексты, репрезентирующие интерпретацию реального события, в их функционировании в медийном пространстве.

Предмет исследования – вариативность интерпретационно-когнитивных моделей вербализации реального события, репрезентированного в русскоязычном медиадискурсе.

Гипотеза исследования заключается в следующем: реальное событие репрезентируется в русскоязычном медиадискурсе посредством реализации вариативной множественности интерпретационно-когнитивных моделей и смысловых версий, детерминированных факторами события, коммуникативной интенции автора и информационными ожиданиями адресата.

Цель диссертационного исследования – выявить интерпретационно-когнитивные модели события, вербализованные в дискурсе российской прессы, и установить факторы, детерминирующие множественную вариативность репрезентации события в тексте.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд **задач**:

- 1) изучить особенности интерпретационного процесса и его компонентов применительно к медиадискурсу как специфической ментально-когнитивной области;
- 2) установить критерии и произвести классификацию медиатекстов в аспекте

репрезентации в них разных типов событий – *событие-катастрофа (стихийное событие) или событие-провокация*;

3) описать механизм дискурсивной интерпретации события, который реализуется по веерному принципу: *реальное событие – n-количество интерпретационно-когнитивных моделей события* в русскоязычном медиатексте – *n-количество смысловых версий*;

4) выявить интерпретационно-когнитивные модели, репрезентирующие событие с учетом факторов, обуславливающих их вариативность, и языковые единицы их вербализации;

5) проанализировать различные интерпретационно-когнитивные модели события, представленные в медиатекстах, выделив варианты их актуализации и доминирующие характеристики (различия в диктумно-модусной репрезентации, вариативность конфигурации структурных компонентов, маркирующие лексические единицы);

6) установить факторы, детерминирующие множественную вариативность репрезентации события в русскоязычном тексте.

Материалом для исследования послужили публикации российских изданий, реализующих различную информационную политику: «Новая газета», «Московский комсомолец», «Российская газета». Всего проанализировано 469 текстов разных жанров за период с 2011 по 2015 год, информирующих о двух событиях – аварии теплохода «Булгария» (июль 2011 года) и акции панк-группы Pussy Riot в храме Христа Спасителя (февраль 2012 года). При выборе информации о данных событиях мы руководствовались рядом факторов:

- авария теплохода «Булгария» в Республике Татарстан является одним из самых резонансных событий 2011 года, которое маркируется как *событие-катастрофа*, имеющее масштабные трагические последствия (погибло 122 человека). Данный тип кризисного события (событие-катастрофа / трагедия) частотен в отражении российских и зарубежных СМИ и, соответственно, фактически всегда присутствует в формируемой повестке дня, поскольку касается удовлетворения универсальных человеческих потребностей, в частности, потребности в безопасности. Кроме того, событие характеризуется такими признаками, как неожиданность и внезапность возникновения, что указывает на имплицитную роль человеческого фактора в его свершении, а также плохо прогнозируемые и контролируемые последствия. Типологизируя подобные события, мы их относим к *незапланированным (стихийным), непреднамеренным*;

- акция панк-группы Pussy Riot в храме Христа Спасителя является одним из самых резонансных событий 2012 года, представляет тип *события-провокации*. Событие стало основой масштабной общественной дискуссии. СМИ выступили площадкой для концентрации различных оценочных мнений – от официального до радикально-альтернативного. Характер совершенного действия, лежащий в основе события, указывает на эксплицитное проявление человеческого фактора в его организации и проведении, так как определен сценарий его «свершения», последствия целенаправленно прогнозируются и контролируются. Данное событие мы характеризуем как *запланированное, преднамеренное, отражающее интересы определенной общественной группы вопреки интересам другой группы*.

Таким образом, в качестве материала исследования выбраны русскоязычные публикации, отображающие два различных типа события. Основанием для их противопоставления является *критерий преднамеренности / непреднамеренности свершения, эксплицитности / имплицитности человеческого фактора*. Сопоставление разных типов событий позволяет выявить репрезентированные в медиадискурсе различные интерпретационно-когнитивные модели.

Выбор изданий определен различием их информационной политики, которая формирует полифоничное оценочно-интерпретационное поле, определяющее общественное мнение по отношению к событиям. Данные издания относятся к разным типам прессы – качественной и массовой, отражают разные векторы восприятия событий – официальный («Российская газета») и альтернативный, независимый («Новая газета»). Качественные издания ориентированы на образованную аудиторию, максимально взвешенную и объективную подачу фактов, формирование повестки дня, состоящей из актуальных и

значимых тем, осмысленных специалистами и экспертами, что характеризует «Российскую газету» и «Новую газету». Отличительной особенностью последней является правозащитная деятельность, что не может не сказаться на интерпретации событий действительности в данном издании. Издание «Московский комсомолец», имеющее все типологические признаки массового издания (ориентация на максимальное привлечение широкой аудитории, упрощение сложных проблем, перенасыщенность развлекательной информацией невысокого качества), тем не менее представляет примеры качественного осмысления повседневности через выбор тем, новостей, форматов, жанров, подбора экспертов и т. д. (Фролова, 2014).

Методы исследования. Методологическая основа проводимого исследования обусловлена поставленной целью и особенностями анализируемого материала. Выполнение исследования в рамках актуальных направлений современной лингвистики – лингвистического интерпретационизма (Демьянков, 1983; 1989; 1996; 1999) и теории интерпретационной вариативности текста (Ким, 2010) определило использование как общенаучных методов (индукция / дедукция, анализ / синтез, систематизация, классификация), так и комплексного подхода к изучению медиатекста, в основе которого приемы интерпретационного (смыслового) анализа, лингвостилистического описания, когнитивно-дискурсивного и контекстуального анализа. В работе также используется качественно-количественный метод (контент-анализ) для установления частотности структурных элементов интерпретационно-когнитивной модели события, определяющей вариативность его интерпретации.

Научная новизна проведенного исследования заключается в том, что впервые в лингвоинтерпретационном аспекте описаны дискурсивные репрезентации событий в текстах печатных русскоязычных СМИ. Выявлены *интерпретационно-когнитивные модели* репрезентации в тексте одного события и представлены варианты их функционирования в медиадискурсе в рамках *моноцентрического или полицентрического интерпретационного поля*. Исследован механизм интерпретации события и его вербальной репрезентации в диктумно-модусном аспекте, что позволяет точнее обозначить его доминирующую интерпретацию в медиадискурсе. Выявлены лексические единицы, репрезентирующие реализацию смысловых версий как интерпретацию события в медиадискурсе. Установлены факторы, детерминирующие вариативность диктумно-модусной интерпретации реального события: фактор коммуникативной интенции автора и фактор информационных ожиданий адресата.

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в лингвистическую вариантологию и теорию интерпретационной вариативности текста, применимой к русскоязычному медиадискурсу. На основе его анализа выявлены модели, конструирующие событие в дискурсе прессы и отражающие его (события) вариативность репрезентации. Диссертационная работа расширяет теоретическую и практическую базу исследований в области когнитивной лингвистики, интерпретационной лингвистики и медиалингвистики.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов в преподавании филологических и журналистских дисциплин, направленных на изучение интерпретационной лингвистики, когнитивной лингвистики, медиадискурса, теории журналистики. Результаты исследования могут быть использованы СМИ при планировании публикационной политики, а также социально-политическими организациями, осуществляющими мониторинг общественного мнения, прогнозирование воздействия на общественное сознание медиадискурсов, реализующих различные когнитивно-интерпретационные модели как интерпретацию события.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Событие, вербализованное единицами русского языка и репрезентированное в медиадискурсе, деактуализирует континуальную природу фрагмента действительности, становясь моделируемым конструктом. Облигаторные признаки события (пространственно-временные координаты, субъект, признак действия) и интерпретирующие факторы

(коммуникативная интенция автора, информационные ожидания адресата) детерминируют процесс его интерпретационно-вариативной реализации.

2. Механизм дискурсивной интерпретации события осуществляется по веерному принципу: *реальное событие – n-количество интерпретационно-когнитивных моделей события – n-количество смысловых версий.*

3. Количество и виды интерпретационно-когнитивных моделей события и смысловых версий, а также особенности их лексико-семантической репрезентации обуславливают развертывание в медиадискурсе интерпретационного поля – моноцентрического (с одной доминирующей интерпретационно-когнитивной моделью события) или полицентрического (с несколькими интерпретационно-когнитивными моделями события).

4. Вид интерпретационного поля детерминирован типом события – *событие-катастрофа (стихийное событие) или событие-провокация*, критерием разграничения которых является *преднамеренность / непреднамеренность свершения, эксплицитное / имплицитное проявление человеческого фактора.*

5. Интерпретирующие факторы (тип события, коммуникативная интенция автора, информационные ожидания адресата) детерминируют реализацию интерпретационно-когнитивных моделей и смысловых версий посредством репрезентации структурных элементов пропозиции и их лексической вербализации в диктумно-модусном варианте.

6. Тип интерпретационно-когнитивных моделей, структура интерпретационного поля, количество и состав смысловых версий и особенности их лексико-семантической репрезентации детерминированы коммуникативной интенцией автора и информационными ожиданиями адресата.

7. Фактор коммуникативной интенции автора и фактор информационных ожиданий адресата являются взаимокоррелирующими; их влияние на процесс и результат интерпретации событий обусловлено информационной политикой изданий и наличием у каждого издания «своего» адресата.

Апробация исследования. Основные положения диссертационной работы были представлены на VIII (XXXIX) Международной научно-практической конференции «Образование, наука, инновации – вклад молодых исследователей» (Кемерово, 2012); Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы современности и журналистика» (Томск, в рамках Научной недели факультета журналистики ТГУ, 2012); Всероссийской научно-практической конференции «Функционирование русского языка как государственного в современных условиях» (Москва, 2012); Международной научной конференции «Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов» (Кемерово, 2012); II и III Международной научной конференции «Речевая коммуникация в современной России» (Омск, 2011, 2013); I Международной научно-практической конференции «Традиционные и новые медиа в современной России» (Омск, 2014); VII Международном лингвистическом конгрессе «Язык и мир» (Ялта, 2015); Пятой Международной научной конференции «Проблемы современной лингвистики, литературоведения и методики преподавания филологических курсов» (Кемерово, 2015); Международных научно-практических конференциях «Журналистика в 2012 году», «Журналистика в 2014 году», «Журналистика в 2015 году» (Москва, 2013, 2015, 2016); V Конгрессе РОПРЯЛ «Динамика языковых и культурных процессов в современной России» (Казань, 2016).

Отдельные части диссертационной работы выполнены при поддержке индивидуальных грантов фонда Михаила Прохорова: проект «Интерпретационный потенциал новостного события в масс-медийном дискурсе» (договор АМ – 22/12 от 21 марта 2012 г.); проект «Интерпретация как феномен масс-медийной коммуникации» (договор АМ – 48/13 от 27 марта 2013 г.); гранта РГНФ № 15-04-0031 «Лингвокогнитивный анализ конфликтов в сфере обыденной политической коммуникации».

Основные положения диссертации отражены в 15 научных публикациях (тезисы

докладов и статьи) общим объемом 7,5 п. л., четыре из которых опубликованы в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура диссертационной работы. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, включающего 213 наименований, и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обосновывается актуальность темы исследования, определяются его объект и предмет, формулируется гипотеза, цель и задачи исследования, излагаются положения, выносимые на защиту, указываются научная новизна работы, теоретическая и практическая значимость результатов исследования.

Первая глава «Интерпретация как ментально-языковая деятельность авторов публикаций в СМИ» состоит из трех параграфов, в которых представлено теоретическое осмысление ключевых понятий и категорий – *интерпретации, медиадискурса, события*.

В первом параграфе «Понятие интерпретации в современной лингвистике» обозначена междисциплинарная значимость термина, актуального для гуманитарных наук, его многоаспектное изучение в ряде направлений современной лингвистики, в том числе выделение в самостоятельную исследовательскую область интерпретационной лингвистики, или лингвистического интерпретационизма (Демьянков, 1983; 1989; 1996; 1999; Трипольская, 2005; Матханова, 2005; Голев, 2007, 2008; Ким, 2010). В рамках этого направления интерпретация определяется как «процесс, представляющий собой «когнитивную (ментально-языковую) деятельность, сущность которой заключается в «*смыслосчитывании*», или *распредмечивании*, то есть процессе, при котором содержание (смысл) языкового выражения (предмета) становится достоянием субъекта-интерпретатора, и *смыслопостроении*, или *опредмечивании*, то есть процессе, при котором содержание (воспринимаемый смысл) получает языковое воплощение» (Ким, 2009).

Необходимо отметить, что интерпретация представляет собой сложную когнитивную (ментально-языковую) операцию, характеризующуюся наличием структурно-содержательных компонентов (субъект, объект, результат и т. д.), двойственной природой (одновременно процесс и результат), целенаправленностью. К ее особенностям относится опора на типизированные схемы знаний: фреймы, скрипты, когнитивные структуры, модели и другое и непосредственная связь с познанием (когницией), а также субъективность, зависимость от индивидуальной концептуальной системы человека (Болдырев, 2014). Структурный и многокомпонентный характер интерпретационного процесса отражен в модели, в состав которой входят такие компоненты, как *субъект интерпретации, объект интерпретационной деятельности, результат и контекст*. В интерпретационной лингвистике в качестве *объекта* обозначен ряд элементов, в том числе «событие, которое человек воспринимает через призму своего языка» (Матханова, Трипольская, 2005). *Результат* интерпретации, также имеющий двойственную форму проявления, реализуется в виде текста («овеществленная», «языковая» форма) и в виде смысла, отражающего интенцию автора, создающего определенный образ фрагмента действительности.

Рассматривая типологию интерпретации, следует отметить выделение *дискурсной интерпретации* (Беляевская, 2015), содержательная характеристика которой позволяет применить ее к дискурсу средств массовой информации, состоящему из интерпретаций событий, осуществляемой по разным когнитивным моделям.

В основе механизма дискурсной интерпретации события и его языковой репрезентации находятся понятия *интерпретационно-когнитивная модель события (ИКМС)* и *смысловая версия события (СВС)*. Под *интерпретационно-когнитивной моделью события* понимается вербализованная модель события, репрезентированная в медиатексте. ИКМС образуется *n*-количеством смысловых версий, где *n* – число со значением от единицы до неограниченного множества. *Смысловая версия события* – вариант интерпретационно-

когнитивной модели события, «представляющий собой вариативность ассоциативных, когнитивных, эмоционально-оценочных интерпретаций, образующих непрерывное пространство» (Ким, 2012), репрезентированный в медиатексте. Реальное событие (РС), существующее на объективно-денотативном уровне, реализуется в сознании автора в виде n-количества интерпретационно-когнитивных моделей, которые в свою очередь репрезентируются посредством n-количества смысловых версий на лексико-грамматическом уровне. Совокупность вариантов смысловых версий образует ИКМС. Схема дискурсивной интерпретации события представлена на рисунке 1.

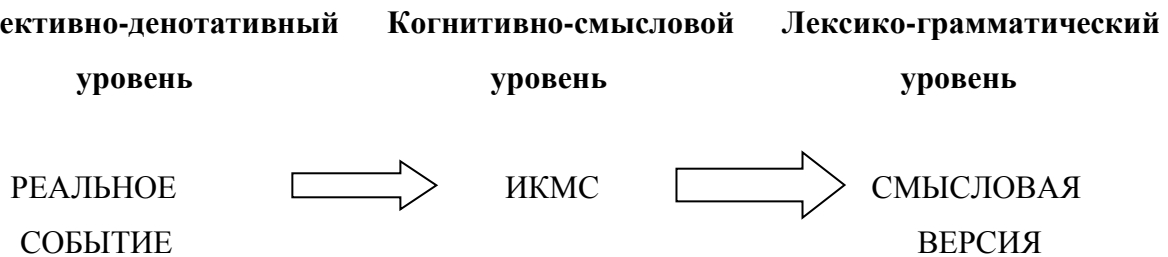

Рисунок 1 – Схема дискурсивной интерпретации реального события

Смысловые версии как вариант ИКМС могут быть представлены как в одном, так и в нескольких текстах – носителях потенциального множества смыслов, образуя **интерпретационное поле репрезентаций события (ИПРС)** – совокупность реализованных и функционирующих в медиадискурсе интерпретационно-когнитивных моделей и смысловых версий. ИПРС характеризуется континуальностью и дискретностью, может быть моноцентрического и полицентрического вида (Ким, 2010). *Моноцентрический* вид поля формируется посредством доминирования одной ИКМС, актуализированной в диктумно-модусном варианте. *Полицентрический* вид репрезентирует n-количество (две и более) равнозначных ИКМС, каждая из которых конструируется n-количеством смысловых версий.

Моноцентрическое интерпретационное поле (МИП) репрезентирует, как правило, одну доминирующую ИКМС, актуализированную в n-количестве смысловых версий. Сильная позиция доминирующей ИКМС реализуется в диктумно-модусной репрезентации. Модель представлена на рисунке 2.

Рисунок 2 – Модель моноцентрического интерпретационного поля

Полицентрическое интерпретационное поле (ПИП) репрезентирует ряд (две и более) равнозначных ИКМС, каждая из которых конструируется посредством n-количества смысловых версий. В таком варианте смысловое ядро события содержит больший вариативный потенциал интерпретаций и реализуется посредством актуализации ИКМС-1, ИКМС-2, ИКМС-3 и т. д. Полицентричность интерпретационного поля обусловлена содержанием смысловых версий, совокупность которых образует определенную ИКМС. Модель представлена на рисунке 3.

Полицентрическое интерпретационное поле

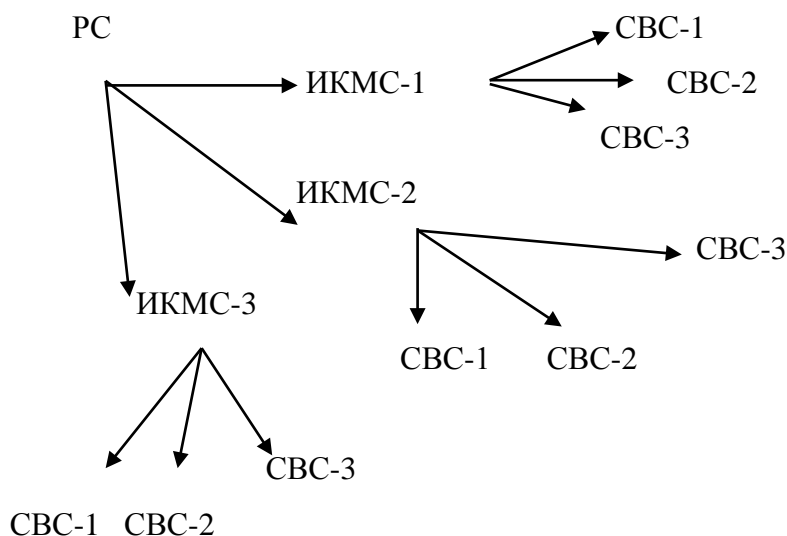

Рисунок 3 – Модель полицентрического интерпретационного поля

В диссертационном исследовании отмечается, что дискурсная интерпретация реального события осуществляется по принципу вариативно-интерпретационного функционирования, то есть посредством реализации интерпретационно-когнитивных моделей, формирующихся в свою очередь совокупностью смысловых версий. ИКМС, находящаяся в сильной и, соответственно, доминирующей позиции, образует моноцентрическое интерпретационное поле события. Полицентрическое интерпретационное поле состоит из ряда ИКМС и смысловых версий. То есть, характеризуя реализацию модели интерпретации события в медиадискурсе, мы можем говорить о том, что она осуществляется по веерному принципу: РЕАЛЬНОЕ СОБЫТИЕ – N-КОЛИЧЕСТВО ИНТЕРПРЕТАЦИОННО-КОГНИТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ СОБЫТИЯ – N-КОЛИЧЕСТВО СМЫСЛОВЫХ ВЕРСИЙ СОБЫТИЯ.

Актуализация множества смысловых версий интерпретационно-когнитивных моделей события детерминирована интерпретирующими факторами (типом события, интенциональностью автора и информационными ожиданиями адресата).

Второй параграф «Вариативность интерпретационного процесса в медиадискурсе» посвящен описанию институциональных черт медиадискурса, обуславливающих вариативность интерпретаций событий в СМИ. В **первом разделе «Медиадискурс как объект лингвистических исследований»** дается общая характеристика медиадискурса и медиалингвистики как самостоятельной области изучения языковых аспектов функционирования медиакommunikаций. Обозначены подходы к изучению медиадискурса (коммуникативно-деятельностный, функциональный, когнитивный), в соответствии с которыми представлены его типологические разновидности, в частности, выделен дискурс печатных изданий или газетный дискурс.

Специфика газетного дискурса состоит в том, что он является «средой дискурсного взаимодействия» (Силантьев, 2004). Эта «среда» представляет собой «синтез разнородного» (Ревзина, 2006), постоянную циркуляцию новостей, событий, мнений, оценок, комментариев, то «затухающих», то вновь обостряющихся и требующих внимания к себе, иными словами, «газетный дискурс живет, осуществляется своими повторениями, возвращениями, актуализациями, информативным достраиванием уже пройденного, освоенного материала – наряду с обращением к материалу новому, к собственно новости, которую этот дискурс также моментально помещает в пространство повторений и возвращений» (Силантьев, 2004).

Отдельным аспектом исследования медиадискурса является изучение медиатекстов,

специфику которых определяет взаимодействие лингвистических и экстралингвистических факторов. В диссертационном исследовании медиатекст рассматривается как носитель событийной информации, который ее структурирует и расставляет акценты при интерпретации. Изучение медиатекста в аспекте когнитивно-дискурсивного подхода «позволяет ответить на важнейший вопрос о способах взаимодействия между реальной действительностью и ее медийной репрезентацией» (Добросклонская, 2012), а также осмыслить закономерности (факторы) влияния, детерминирующие множественность интерпретаций события.

Интерпретативный характер медиадискурса, отмечаемый многими исследователями, обусловлен спецификой средств массовой информации, которые являются основными интерпретаторами и модераторами социальной реальности. Вариативность механизма интерпретации позволяет, обозначая одни элементы медиатекста как актуальные и значимые, вынося их в сильную текстовую позицию, оставляя без внимания второстепенные, моделировать вербальное событие, конструируя тем самым модели его восприятия массовой аудиторией. Вариативность медиадискурса обусловлена рядом факторов, к числу которых относится неисчисляемое, постоянно изменяющееся многообразие окружающей среды, репрезентированной с помощью языка. Другой особенностью является диалогичность коммуникативного процесса, который в классическом виде представлен трехкомпонентной структурой: «АВТОР – ТЕКСТ – АДРЕСАТ». Интерпретация как ментально-когнитивный процесс регулирует как деятельность автора на этапе создания текста, так и деятельность адресата на этапе его восприятия. Нетождественность события как фрагмента действительности его текстовому воплощению, нетождественность текста, транслируемого автором, и текста, воспринятого адресатом, базируется, в частности, на механизмах вариативной интерпретации действительности. Кроме того, современная масс-медийная среда основывается в том числе на постмодернистских идеях, провозглашающих отказ от утверждения единственно верного и истинного понимания текста (а значит, и отражаемого в нем события). В итоге в событийном медиатексте репрезентируется «поливариантная интерпретация реальности» (Рогозина, 2004), которая формируется посредством изменения фокусировки исходного фрейма события, при акцентировании его ядерных и/или периферийных структурных элементов (субъект, объект, предикат, локативно-темпоральные компоненты и т. д.).

В третьем параграфе «Репрезентация реального события в медиадискурсе» подробно описывается лингвофилософское осмысление категории «событие», а также рассматриваются взаимосвязи реального события и события, отраженного в медиатексте (текстового события). Отмечается междисциплинарность термина, получившего широкий репертуар трактовок в разных научных областях, а также его ключевая смыслообразующая роль в информационном жизнеобеспечении современного человека.

Исходя из краткого обзора лингвофилософских и лингвистических аспектов изучения события, в работе выделены его сущностные признаки, к которым относится наличие *облигаторных компонентов* (локатив и темпоратив) и *структурных компонентов разного уровня; причин и последствий события; его вербализация и интерпретация в медиадискурсе*. Для данного исследования принципиальным является рассмотрение события с точки зрения его реализации в тексте, то есть изучение дихотомии «*событие*» – «*текст*», которая противопоставляет событие онтологическое (собственно реальное событие) и событие гносеологическое (лингвистическое, текстовое событие). Эта дихотомия как один из частных аспектов теории референции в лингвистике, коммуникативистике, журналистике реализуется в терминах, обуславливающих специфическую природу события, репрезентированного в медиатексте, в частности, обозначается как *медиа-событие* (Сметанина, 2002). При этом возникающая вариативность номинаций термина (*медиасобытие, факт-событие, вербальный факт, референтное событие, текстовое событие*) принципиально не меняет сущность данного феномена, определяя его содержательную характеристику: репрезентация фрагмента реальности, эксплицитно или имплицитно отражающая авторскую интенцию, обусловленную

рядом экстралингвистических и лингвистических (дискурсивных) факторов. В данном разделе отмечается ряд особенностей события, актуальных для его представления в медиадискурсе, в частности, его репрезентация в качестве пропозиции, которая содержит диктумную и модусную части, то есть в основе репрезентации события находится диктум, который показывает, *что* произошло в окружающей действительности (какое событие, когда оно случилось, кто его участники и т. д.), то есть «положение дел» (Арутюнова, 2007) и модус, отражающий субъективное отношение автора к произошедшему. Языковая вариативность представления как диктума, так и модуса детерминирует множественность интерпретации события, отраженного в совокупности текстов, функционирующих в медиасреде, приводя к созданию у аудитории мозаичной и полифоничной медиакартины мира.

Вариативная интерпретация события, репрезентированного в медиатексте, детерминирована интерпретирующими факторами, к которым относятся *тип события, коммуникативная интенция автора, информационные ожидания адресата*. Характеристика типологии событий представлена в содержательной части введения диссертационного исследования. Отметим, что *тип события* обуславливает объективно-денотативные границы интерпретации реального события в медиатексте. *Фактор коммуникативной интенции* автора является обязательным элементом коммуникативного акта, определяющим параметры интерпретации события в медиатексте, обладающим «идеальным» знанием о тексте и «ожидаемых смыслах» аудитории, реализуя субъективную интенцию в соответствии с имеющимися аксиологическими установками, устанавливая значимые параметры формирования публицистической картины мира адресата и его восприятия окружающей действительности. *Фактор информационных ожиданий адресата* реализуется в вариативности авторской интерпретации события, отраженного в газетном дискурсе. Зная «ожидаемые смыслы» получателей сообщения, автор ориентируется на них, создавая медиатекст с учетом общности концептуальных систем, сходства представлений о мире и окружающей действительности. Взаимодействие данных факторов, их реализация в условиях социально-политического контекста в конечном итоге определяют интерпретационно-когнитивную модель события и вид его интерпретационного поля, репрезентированного в медиадискурсе.

Вторая глава «Реализация интерпретационного потенциала события «Авария теплохода «Булгария» в медиадискурсе» состоит из пяти параграфов, в которых представлен анализ репрезентаций структурных элементов пропозиции вербального события «Авария теплохода «Булгария» в диктумном и модусном аспектах – предиката, субъекта, локативно-темпорального компонента. На основе контент-анализа журналистских текстов, содержащих информацию об этом событии, выявлены смысловые версии, которые конструируют определенные ИКМС. В качестве примера рассмотрим репрезентацию *диктумного и модусного* содержания предиката ИКМС. Репрезентация **диктумного содержания** осуществляется двумя способами – лексемами глагольной и именной групп, формируя ряд тождественных по семантике смысловых версий. Примеры представлены в таблице 1.

Каждая группа предикатов образует смысловые версии, которые формируют интерпретационное поле ИКМС «Авария теплохода «Булгария»: «Теплоход «Булгария» затонул», «Теплоход «Булгария» ушел под воду», «Теплоход «Булгария» ушел на дно»; «Произошло кораблекрушение теплохода «Булгария», «Произошла авария теплохода «Булгария», «Произошло затопление теплохода «Булгария», «Происшествие», «Случившееся», «Произошедшее». Использование номинаций глагольной или именной группы в диктумном аспекте обусловлено необходимостью информирования о случившемся с минимально выраженными коннотативным и оценочным компонентами, направленными на объективное, приближенное к действительности отражение реального события.

Таблица 1 – Вариативность репрезентаций предиката пропозиции ИКМС в диктумном аспекте

Способ выражения предиката	Языковые единицы		
	«Московский комсомолец»	«Российская газета»	«Новая газета»
Глагольная группа предиката	<i>затонул (3)</i>	<i>затонуло (7) утонула (2)</i>	<i>затонула (11) затонуло тонет утонула</i>
	<i>ушел под воду</i>	<i>ушла под воду (1)</i>	<i>ушел под воду (2)</i>
	<i>пошло ко дну (4) ушел ко дну</i>	<i>ушел (-а) на дно (2)</i>	<i>пошла на дно (4) пошла ко дну ушел на дно</i>
Номинации, выражающие признак предикативности	<i>затонувшая (18) тонущее (2) утонувшее (2)</i>	<i>затонувшая (7) тонущая (2) утонувшая (1)</i>	<i>тонущая (11) затонувшая</i>
	31 слово-употребление	26 слово-употреблений	28 слово-употреблений
Именная группа предиката	<i>кораблекрушение (10) авария (3) происшествие (1) случившееся (1) произошедшее (1)</i>	<i>кораблекрушение (13) авария (5) происшествие (4) затопление (2) случившееся (3)</i>	<i>затопление (12) авария (7) кораблекрушение (2) происшествие (1)</i>
	16 слово-употреблений	27 слово-употреблений	21 слово-употребление

Модусное содержание предикатов пропозиции ИКМС репрезентируется номинациями именной группы, систематизированными по степени частотности и интенсивности доминирующего признака, в качестве которого выступает признак трагедийности. Частотность и вариативность языковых единиц представлена в таблице 2.

Предикат ИКМС «Авария теплохода «Булгария» в модусном аспекте репрезентируется языковыми единицами именной группы (глагольная группа предиката не реализуется), что обусловлено фактором коммуникативной интенции автора, который реализует посредством модусных номинаций свою коммуникативную интенцию – передать эмоционально-оценочную интерпретацию события.

Исследование языковых репрезентаций предиката в модусном аспекте ИКМС «Авария теплохода «Булгария» позволило выделить смысловые версии, организующие интерпретационное поле реального события в медиадискурсе: «Произошла трагедия на Волге», «Произошло крушение теплохода «Булгария», «Произошла катастрофа на Волге», «Произошла гибель теплохода «Булгария», «Произошло ЧП», «Произошло бедствие», «Кошмар». Наименее частотные смысловые версии репрезентируют событие как «Трагический случай», «Несчастье», «Бедствие», «Трагическая история», «Трагическое плавание», «Печальная история», «Печальный опыт».

Исходя из признаков частотности, морфологической и лексической вариативности, мы можем говорить о доминирующих смысловых версиях и смысловых версиях, имеющих низкую степень репрезентированности в интерпретационном поле события, что детерминировано такими факторами, как тип события (событие-катастрофа), коммуникативная интенция автора, обусловленная информационной политикой издания и, соответственно, ориентированными на нее информационными ожиданиями адресата.

Таблица 2 – Вариативность репрезентации предиката пропозиции ИКМС в модусном аспекте

Способ выражения предиката	Языковые единицы		
	«Московский комсомолец»	«Российская газета»	«Новая газета»
Именная группа предиката	<i>трагедия (63)</i>	<i>крушение (46)</i>	<i>трагедия (39)</i>
	<i>крушение (35)</i>	<i>трагедия (45)</i>	<i>крушение (38)</i>
	<i>катастрофа (29)</i>	<i>катастрофа (37)</i>	<i>катастрофа (29)</i>
	<i>гибель (11)</i>	<i>гибель (17)</i>	<i>гибель «Булгарии» / теплохода (24) / гибель людей (3)</i>
	<i>ЧП (5)</i>	<i>ЧП, чрезвычайное происшествие (7)</i>	<i>ЧП (2)</i>
	<i>бедствие (3)</i>	<i>беда (2)</i>	<i>несчастье (1)</i>
	<i>кошмар (3)</i>	<i>трагический случай (1)</i>	<i>бедствие (1)</i>
	<i>беда (1)</i>	<i>несчастье (1)</i>	<i>беда (1)</i>
	<i>трагическая история (1)</i>	<i>печальный опыт (1)</i>	
	<i>трагическое плавание (1)</i>		
	<i>печальная история (1)</i>		
	153 слово-употребления	157 слово-употреблений	139 слово-употреблений

Предложенная схема анализа была применена к другим компонентам ИКМС (субъектам «Теплоход «Булгария», «жертвы», «виновные»; локативу, темпоративу). Выявленное содержание компонентов реализует смысловые версии, которые указывают на вариативность интерпретации события, но сохраняют его смысловую цельность и моноцентричность. Вариативность смысловых версий отражена в диктумных и модусных репрезентациях каждого из компонентов ИКМС.

Моноцентрическая модель интерпретационного поля обусловлена следующими причинами и факторами.

Тип события и интерпретационный потенциал языка, который реализуется посредством вариативности диктумных номинаций. Так, в основе смысловых версий, репрезентирующих предикат ИКМС, находятся такие синонимические ряды, как *авария – затопление – кораблекрушение; затонул – ушел под воду – ушел ко дну*.

Фактор коммуникативной интенции автора, который, интерпретируя событие, реализует собственные интенции, получившие вербализацию в медиатекстах. Интенция автора проявляется в модусных репрезентациях компонентов ИКМС. Так, авария теплохода представлена синонимическими номинациями *трагедия – крушение – катастрофа – гибель – ЧП – бедствие – кошмар – трагический случай – несчастье – беда – трагическая история – трагическое плавание – печальная история – печальный опыт*.

Фактор информационных ожиданий адресата обуславливает наличие в медиатекстах информации о том, что, где и когда произошло, а также предположений о виновных в случившемся и их наказании, исходя из характеристики события как масштабного чрезвычайного происшествия с человеческими жертвами. Отвечая ожиданиям «своей» аудитории, автор моделирует и интерпретирует событие, сообщая о нем фактическую информацию, тем самым формируя его объективный образ. Другой вариант – создание экспрессивных текстов, ориентированных на поиск и разоблачение виновных, в качестве которых, как правило, обозначена российская политическая власть и ее субъекты (чиновники,

политики) и бизнес (характерно для изданий «Московский комсомолец» и «Новая газета»). При этом данный тип события обуславливает минимальный конфликт интерпретаций в разных изданиях, независимо от их информационной политики. *Событие-катастрофа* оказывается мощным фактором формирования единого восприятия произошедшего у аудитории, допуская полифонию точек зрения в интерпретации его причин и последствий.

Полицентрическая модель интерпретационного поля представлена в *третьей главе «Реализация интерпретационного потенциала события «Акция Pussy Riot в храме Христа Спасителя» в медиадискурсе»*, которая состоит из шести параграфов, содержащих анализ репрезентаций структурных элементов пропозиции вербального события (предиката, субъекта, локативно-темпорального компонента) «Акция Pussy Riot в храме Христа Спасителя» в диктумном и модусном аспектах.

Исходя из тезиса о том, что интерпретация какого-либо события детерминирована, в том числе, типом события, определяющим его облигаторные признаки, «Акция Pussy Riot в храме Христа Спасителя» маркируется в медиадискурсе как событие, имеющее религиозно-политический характер. Актуализация события как *религиозного* обусловлена проведением акции в сакральном для православных россиян месте – главном православном храме страны (храм Христа Спасителя, Москва). Актуализация события как *политического* объясняется содержанием текста молебна «Богородица, Дево, Путина прогони», направленным на оценку действий российской политической власти. Также в газетном дискурсе представлены интерпретации события «Акция Pussy Riot в храме Христа Спасителя» как *творческой акции*. Группа Pussy Riot позиционирует себя как арт-проект с определенной творческой концепцией, находящейся в русле одного из направлений современного альтернативного искусства («акционное искусство»), в рамках которого собственно творческий акт приобретает социальное или политическое значение. Еще одной ИКМС, которую репрезентирует анализируемый материал, является «Акция Pussy Riot в храме Христа Спасителя» как *хулиганство*, то есть действие, нарушающее общественные и религиозные нормы поведения.

Таким образом, в медиадискурсе были выделены четыре ИКМС:

- *акция Pussy Riot в храме Христа Спасителя как политическое событие;*
- *акция Pussy Riot в храме Христа Спасителя как религиозное событие;*
- *акция Pussy Riot в храме Христа Спасителя как творческая акция;*
- *акция Pussy Riot в храме Христа Спасителя как хулиганство.*

В каждой ИКМС обозначены ключевые пропозициональные компоненты, интерпретации которых формируют смысловые версии.

В качестве примера рассмотрим репрезентацию *ИКМС «Акция Pussy Riot в храме Христа Спасителя как религиозное событие»*, которая формируется репрезентациями пропозициональных компонентов (предиката, субъекта, локатива, темпоратива). Ключевым компонентом данной ИКМС является локус – храм Христа Спасителя (Москва), в котором была проведена акция панк-группы Pussy Riot.

ИКМС включает пропозициональные компоненты, конфигурация которых формирует доминирующее интерпретационное поле. В сильной позиции ИКМС «Акция Pussy Riot в храме Христа Спасителя как религиозное событие» находятся локативно-темпоральные репрезентации. В данном событийном дискурсе пространство, в котором произошло событие (храм Христа Спасителя), имеет ценностно-смысловую и культурно-историческую символику. Сакральное для православных россиян место актуализирует религиозный контекст репрезентации события в СМИ, активизируя полемику о значении религиозных и, в частности, православных ценностей в современном российском обществе. Храм Христа Спасителя – значимый культурно-исторический памятник, являющийся своего рода символом Российской православной церкви (РПЦ). Разрушение сакральности пространства (см. заголовок «Панки в храме» (РГ, 15.03.12), а затем подчеркивание идейной религиозной основы акции привело к формированию и репрезентации в газетном дискурсе ИКМС «Акция Pussy Riot в храме Христа Спасителя как религиозное событие».

Предикат в пропозиции ИКМС репрезентируется посредством глагольной или именной групп языковых единиц. Глагольная группа предиката описывает действия, совершенные субъектом в храме Христа Спасителя. Нами были отмечены два контекста, репрезентирующие религиозную семантику: *Группа женщин ПРИШЛА В ХРАМ ПОМОЛИТЬСЯ* («Фарисеи и юродивые», НГ, 04.03.12); *Я о панк-молебне, который «отслужила» «группа Pussy Riot» 21 февраля в храме Христа Спасителя («Девушка пела в церковном хоре...», МК, 05.03.12)*. В первом примере автор акцентированно, графически выделяя текст, использует предикат в глагольной форме (*ПОМОЛИТЬСЯ*) – производный от ‘молиться, молюсь, молишься; несов. 1. (сов. помолиться). Обращаться с мольбой, просьбой, благодарностью к богу, святым; произносить слова молитвы. || на что. Креститься, обратившись лицом к иконе, церкви и т. п.’ (Словарь русского языка, 1999). Соответственно, актуализируется произнесение молитвы как одобряемого действия и нивелируется восприятие события как политического или нарушающего морально-нравственные нормы поведения. Во втором примере реализуется семантика религиозного действия, так как одно из значений слова ‘отслужить – (несов. отслуживать) перех. Совершить (обряд богослужения)’ (Словарь ...). Но автор в тексте маркирует его кавычками («отслужила»), ставя под сомнение употребление слова в прямом значении и указывая на несостоятельность акции панк-группы Pussy Riot как религиозной, подчеркивая ее провокационный характер. Таким образом, репрезентируется вариативность религиозной семантики. В первом примере она открыто проявлена и с точки зрения автора правомерна. Во втором – религиозный аспект заявлен, но подвергается критическому оцениванию. То есть соответствующий смысл не является частотным и характерным для предиката глагольной группы, что свидетельствует о его слабой позиции. Данные репрезентации формируют такие смысловые версии, как «Панк-группа Pussy Riot помоллилась» и «Панк-группа Pussy Riot «отслужила» молебен».

Именная группа предиката представлена лексемами с религиозной семантикой. Например, окказиональная номинация *панк-молебен* – сочетание лексемы *панк* – от ‘панки – неформальное молодежное движение’ (Булыко, 2005) и *молебен* – ‘краткое богослужение (о благополучии, о здравии и т. п.)’ (Словарь ...). Номинация получила распространение в медиадискурсе после проведения панк-группой акции в храме Христа Спасителя, став ее маркером. Также религиозную семантику, в соответствии со своим значением, репрезентируют номинации *молебен*, *молитва*, окказиональное *панк-молитва*. Примеры приведены в таблице 3.

Таблица 3 – Репрезентации именной группы предиката ИКМС
«Акция Pussy Riot в храме Христа Спасителя как религиозное событие»

Издание	Примеры языковых единиц
	Именная группа репрезентации предиката
«Московский комсомолец»	<i>панк-молебен</i> (36) / « <i>панк-молебен</i> » (13); <i>молебен</i> / <i>молебен</i> «Богородица, Дево, Путина прогони»; <i>панк-молитва</i>
«Новая газета»	<i>панк-молебен</i> (15) / « <i>панк-молебен</i> » (1) / <i>панк-молебен</i> в ХХС / « <i>панк-молебен</i> » в ХХС; <i>молитва</i> (2) / <i>молитва</i> «Богородица, Путина прогони»; <i>песня-молитва</i> ; <i>молебен</i>
«Российская газета»	<i>панк-молебен</i> : « <i>панк-молебен</i> » (15); <i>панк-молебен</i> (6); так называемый <i>панк-молебен</i> (5); так называемый « <i>панк-молебен</i> »; <i>скандальный панк-молебен</i> (2); <i>скандальный «панк-молебен»</i> (2)

Семантический симбиоз политики и религии находит отражение в номинациях предиката ИКМС в диктумном и модусном вариантах: «*панк-молебен*»; *панк-молебен*; так называемый *панк-молебен* в Храме Христа Спасителя; *скандальный «панк-молебен»* в храме

Христа Спасителя; скандальный панк-молебен (РГ); злополучный «панк-молебен» в храме Христа Спасителя; панк-молебен; дело о панк-молебне; панк-молебен в ХХС (НГ); панк-молебен; «панк-молебен»; «молебен» Pussy Riot; выкрикивание феминистских и антисистемных лозунгов в церкви; панк-молитва в московском храме Христа Спасителя; короткий панк-молебен в храме Христа Спасителя; оппозиционный панк-молебен; антипутинский панк-молебен в храме Христа Спасителя (МК).

Модусный вариант реализации предиката создается посредством использования языковых средств с оценочным компонентом (*скандальный / злополучный*), а также с помощью кавычек как графического способа акцентирования сомнительности статуса акции и ее проведения (*«молебен»; «панк-молебен»*).

Таким образом, смысловая версия *«Панк-группа Pussy Riot провела панк-молебен»* основывается на номинациях *панк-молебен, молебен*. Смысловая версия *«Панк-группа Pussy Riot прочитала панк-молитву»* – на номинациях *молитва, панк-молитва, песня-молитва*. Смысловые версии, образованные на основании модусного содержания предиката именной группы: *«Панк-группа Pussy Riot провела скандальный панк-молебен»; «Панк-группа Pussy Riot провела так называемый панк-молебен»; «Панк-группа Pussy Riot провела злополучный панк-молебен»*, подвергающие сомнению статус действия как религиозного.

Ключевым субъектом исследуемого события является *панк-группа Pussy Riot*.

Диктумная репрезентация субъекта отражает как его организационную характеристику (*группа; группа «Pussy Riot»*), в том числе посредством обозначения только имени собственного (*«Pussy Riot»*), подчеркивая, что панк-группа – это единый коллектив, имеющий сформировавшуюся систему взглядов и убеждений, так и указывает на его функциональную роль в событии (*участницы; участницы акции*). Представленные номинации образуют смысловую версию *«Событие совершено участницами панк-группы Pussy Riot»*. Другой вариант смысловой версии актуализирует принадлежность не к конкретной группе, а собственно действию – предикату, выраженному номинациями *панк-молебен* или *акция*, – *«Панк-группа Pussy Riot – участница панк-молебна»* или, соответственно, *«Панк-группа Pussy Riot – участница акции»*.

Модусная репрезентация субъекта формируется номинациями, принадлежащими религиозному дискурсу: *осквернительницы святыни; согрешившие; богохульницы; «кощунницы» (РГ); радикальные кощунницы; грешницы из Pussy Riot (МК)*, каждая из которых содержит негативный оценочный компонент. Так, номинация *богохульницы* является производной от лексемы ‘богохульство, -а, ср. Устар. Поношение бога или догматов веры’ (Словарь ...). Окказиональное *кощунницы*, получившее распространение в медиадискурсе после акции панк-группы Pussy Riot, является производным от слова ‘кощунство, -а, ср. – 1. Оскорбление религиозной святыни. 2. Оскорбительное отношение к тому, что глубоко чтится, что свято и дорого кому-л.’ (Там же). Номинации *грешницы из Pussy Riot* и *осквернительницы святыни* также содержат отрицательную оценку, заложенную в семантике слова: *грешницы* – производное от ‘грешный, -ая, -ое; -шен, -шна́, грéшно и грешно́, грéшны и грешны́. 1. Совершивший много грехов (в 1 знач.). || Исполненный грехов; греховодный’ (Там же). *Осквернительницы* – от глагола ‘осквернить, -ню́, -нишь; прич. страд. прош. осквернённый, -нён, -ненá, -ненó; сов., перех. (несов. осквернять и сквернить). 1. Рел. Нарушить чистоту чего-л., сделать нечистым. 2. Оскорбить, унижить, запятнать чем-л.’ (Там же). Обращает на себя внимание отсутствие номинаций с соответствующей негативной оценочной семантикой в дискурсе издания «Новая газета», деятельность которой направлена на поддержку акции панк-группы.

Соответственно, репрезентации субъекта как компонента ИКМС «Акция Pussy Riot в храме Христа Спасителя как религиозное событие» формируют смысловые версии: *«Pussy Riot – богохульницы», «Pussy Riot – кощунницы», «Pussy Riot – грешницы», «Pussy Riot – осквернительницы святыни»*. В совокупности семантика данных смысловых версий отражает негативно-оценочную репрезентацию субъекта события, так как все совершенные им действия

маркируются как отрицающие религиозные ценности, почитаемые российской православной общественностью.

Вариативность смысловых версий обусловлена типом события и фактором коммуникативной интенции автора, который выявляет и актуализирует функциональные роли участников события, определенным образом их маркируя.

Репрезентации **локативно-темпорального компонента** исследуемой ИКМС представлены вариантами диктумного и модусного содержания номинаций.

Диктумная репрезентация **локуса**, содержащая ответ на вопрос о том, где произошло событие: *храм Христа Спасителя; храм Христа Спасителя в Москве (РГ); ХХС (НГ); в московском храме Христа Спасителя; в церкви (МК)*. Описан ключевой локус (*храм Христа Спасителя*) и варианты его детализации (*сплясавшие на солее в храме; на амвоне храма*).

Модусная репрезентация локуса реализует помимо информативной оценочную функцию, подчеркивая сакральность пространства и, соответственно, репрезентируя действия панк-группы Pussy Riot как недопустимые. Например: *Напомним, что пять девушек 21 февраля пришли в храм Христа Спасителя, надели маски, вбежали на солею и амвон, вход на которые запрещен, подошли к алтарю, включили звукозаписывающую аппаратуру, стали выкрикивать оскорбления в адрес священнослужителей и верующих («Тараканы в суде и в голове», РГ, 15.03.12); ...панк-группа осквернила своим позорным выступлением **священное место церковного амвона**, где во время литургии причащаются верующие для прощения грехов («Европа-Россия: на чем ставим крест», РГ, 11.09.12). Действительно, участницы акции сами **напросились стать жертвами: они не совершили ничего преступного с точки зрения обычной, профанной законности, но нарушили сакральный запрет – взобрались на место, заповедное для мирян, и устроили там, пусть на несколько секунд, чисто символически, недопустимое по церковным канонам действие («Священный скандал», НГ, 04.07.12). «Панк-молебен», устроенный 21 февраля панк-группой Pussy Riot в храме Христа Спасителя, добился только одной цели: общественного консенсуса о недопустимости устраивать подобные «шоу» в местах, имеющих сакральное значение («Pussy Riot попали в изоляцию», МК, 20.03.12).***

Ключевыми в репрезентации локуса ИКМС являются интерпретации собственно места действия – храма Христа Спасителя, ставшего пространственным маркером случившегося в медиадискурсе. Именно храм Христа Спасителя получает наибольшее число номинаций, репрезентирующих его значимость для православных россиян как религиозного и морально-нравственного центра: *на амвоне главного православного храма России («А как у них», РГ, 20.08.12); в главном Храме страны («Вы, отцы, оторвались от нас, своих прихожан», НГ, 21.03.12); главное официальное культовое учреждение страны («Русская панк-церковь Московского патриархата», МК, 11.03.12).*

Семантика репрезентаций диктумного содержания **темпорального компонента** образует смысловую версию, в основе которой фиксация даты свершения события – *«Событие произошло 21 февраля»*. Варианты с редукцией или детализацией данной временной номинации, на наш взгляд, входят в структуру указанной смысловой версии. Репрезентацией фольклорной и отчасти стихийной и карнавальной основы произошедшего является смысловая версия *«Событие произошло на Масленицу»*.

Локативно-темпоральный компонент ИКМС детерминирован, во-первых, объективно-денотативной природой события, во-вторых, его субъективной репрезентацией (фактор коммуникативной интенции автора и фактор информационных ожиданий адресата). Диктумное содержание локуса и темпоратива ИКМС формирует такие смысловые версии, как *«Событие произошло в Храме Христа Спасителя»* и *«Событие произошло 21 февраля»*. Модусное содержание компонента образует смысловую версию *«Событие произошло в сакральном пространстве храма Христа Спасителя»*.

Вариативность смысловых версий, с одной стороны, обусловлена необходимостью указания пространственно-временных координат, в границах которых произошло действие (фактор события), с другой стороны, реализацией оценочной интенции автора, выраженной

эксплицитно – «Событие произошло в окоянные дни» или имплицитно – «Событие произошло на Масленицу».

Выделенные смысловые версии демонстрируют вариативность репрезентации компонентов ИКМС, обусловленную типом события, фактором коммуникативной интенции автора и информационных ожиданий адресата. Диктумное содержание каждого компонента детерминировано в первую очередь типом события, модусное – фактором коммуникативной интенции автора и фактором информационных ожиданий адресата. Так, данная ИКМС в большей степени репрезентируется для аудитории «Новой газеты», что связано с намерением авторов издания нивелировать провокационный политический характер акции, подчеркнув ее религиозную основу, тем самым поддержать и защитить участниц. Как правило, «Новая газета» поддерживает различные формы политической оппозиции, ратуя за свободу слова, вероисповедания и прочие гражданские свободы человека, реализуя правозащитную функцию. Напротив, в «Российской газете» акция оценивается скорее негативно-критически, так как издание ориентировано на сохранение и поддержание стабильности в российском обществе, соответственно, любые формы нарушения общественно-политического, духовного и религиозного спокойствия осуждаются и в большей степени трактуются как несоблюдение общечеловеческих норм поведения.

В исследуемых текстах, опубликованных в изданиях «Московский комсомолец», «Новая газета», «Российская газета» с февраля 2012 года по февраль 2015 года, репрезентированы интерпретационно-когнитивные модели события «Акция Pussy Riot в храме Христа Спасителя как политическое событие», «Акция Pussy Riot в храме Христа Спасителя как религиозное событие», «Акция Pussy Riot в храме Христа Спасителя как творческий акт», «Акция Pussy Riot в храме Христа Спасителя как хулиганство». Выявленное содержание компонентов каждой ИКМС (предиката, субъекта, локатива, темпоратива) реализует смысловые версии, которые указывают на множественную вариативность интерпретации события, формируя его полифоничный и полицентричный образ. Вариативность ИКМС и смысловых версий отражена в диктумных и модусных репрезентациях каждого из компонентов.

Полицентрическая модель интерпретационного поля обусловлена следующими причинами и факторами.

Тип события и интерпретационный потенциал языка, которые реализуются посредством вариативности диктумных репрезентаций. Так, в основе смысловых версий, репрезентирующих предикат ИКМС, находятся такие синонимические ряды, как *панк-молебен – акция – выступление – перформанс – хэппенинг – шоу – танцы – концерт; исполнила песню; станцевала*.

Фактор коммуникативной интенции автора, который, интерпретируя событие, руководствуется определенной интенцией и реализует ее в медиатекстах. Интенция автора проявляется в модусных репрезентациях ИКМС и ее компонентов.

Фактор информационных ожиданий адресата, удовлетворение которых обуславливает наличие в медиатекстах информации о том, что, где и когда произошло, а также формирование оценочного поля случившегося, выхода на его дальнейшие последствия как для участников события, так и для общества в целом. Отвечая этим ожиданиям, автор моделирует вербальный вариант события, сообщая о нем определенную информацию, тем самым формируя модус поддержки или обвинения и осуждения. Например, модус поддержки и, соответственно, ИКМС, репрезентирующие акцию панк-группы как творческую акцию или религиозное событие, доминируют в издании «Новая газета». Информационная политика редакции, выражающаяся в форме активной правозащитной деятельности, направлена на поддержание политической активности, в том числе оппозиционной. В «Российской газете», решающей задачи консолидации российского общества и политической системы, модус обвинения актуализируется и доминирует посредством ИКМС «Акция панк-группы Pussy Riot в храме Христа Спасителя как хулиганство».

В **заключении** подведены итоги проведенного исследования. Анализ медиатекстов,

содержащих информацию о событии, подтвердил выдвинутую гипотезу о репрезентации реального события в русскоязычном медиадискурсе посредством реализации вариативной множественности интерпретационно-когнитивных моделей и смысловых версий, детерминированных интерпретирующими факторами. Обозначен веерный принцип реализации данного механизма: *реальное событие – n-количество интерпретационно-когнитивных моделей – n-количество смысловых версий события в медиатексте.*

Комплексный лингвостилистический анализ текста позволил выявить различие в отборе языковых единиц в их диктумной и модусной репрезентации, а также определить конфигурацию структурных компонентов пропозиции интерпретационно-когнитивной модели.

Сопоставление событий разного типа (события-катастрофы и события-провокации) обозначило их полиинтерпретационную вариативность, проявляющуюся в русскоязычных медиатекстах, а именно *интерпретационное поле репрезентаций события моноцентрического или полицентрического вида.*

Вариативность интерпретационно-когнитивных моделей и смысловых версий, проявляющаяся посредством репрезентации структурных элементов пропозиции и их лексической вербализации в диктумно-модусном варианте, детерминирована интерпретирующими факторами, в качестве которых были выявлены *фактор события (тип события), фактор коммуникативной интенции автора и фактор информационных ожиданий адресата.*

Информационная политика изданий, предполагающая удовлетворение информационных потребностей «своей» аудитории, обуславливает корреляцию фактора коммуникативной интенции автора и фактора информационных ожиданий адресата, влияющих на процесс и результат интерпретаций событий.

Перспектива предпринятого исследования видится в дальнейшем изучении медиатекстов как реализации механизма дискурсивной интерпретации события с точки зрения вариативно-интерпретационной теории, выявления иных детерминирующих факторов, иных типов событий и их текстового воплощения, в том числе на материале других средств массовой коммуникации (телевидение, радио, Интернет, реклама и т. д.).

Результаты исследования отражены в 15 публикациях

В ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, включенных в Перечень ВАК Минобрнауки РФ:

1. Мохирева С. В. Вариативность репрезентации субъекта как компонента пропозиции вербального события (на материале публикаций «Российской газеты») / С. В. Мохирева // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4 (52). Т. 4. С. 67–71.

2. Мохирева С. В. Вариативность репрезентаций вербального события в СМИ / С. В. Мохирева // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 19–22.

3. Мохирева С. В. Актуализация религиозно-политического контекста в дискурсе вербального события (на примере текстов российских изданий) / С. В. Мохирева // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 117–122.

4. Мохирева С. В. Вариативная множественность интерпретации локативно-темпоральных характеристик события в СМИ / С. В. Мохирева // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4 (64). Т. 4. С. 152–155.

В материалах всероссийских и международных научных конференций, сборниках научных трудов:

1. Мохирева С. В. Интерпретационный потенциал новостного события (на примере заголовков российской прессы) / С. В. Мохирева // Речевая коммуникация в современной России: мат-лы II Междунар. конф.: в 2 т. (Омск, 27–30 июня 2011 г.) / под ред. О. С. Иссерс. Омск: Вариант-Омск, 2011. Т. 1. С. 200–205.

2. Мохирева С. В. Реальное событие и вербальный факт в текстах российских СМИ / С. В. Мохирева // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 114–117.
3. Мохирева С. В. Репертуар интерпретаций события в заголовках современной прессы / С. В. Мохирева // Образование, наука, инновации – вклад молодых исследователей: мат-лы VIII (XXXIX) Междунар.-практ. конф. / сост. Е. А. Баннова; под общ. ред. К. Е. Афанасьева. Кемерово, 2012. Вып. 13. С. 973–974.
4. Мохирева С. В. Интерпретация власти как субъекта события в газетном дискурсе / С. В. Мохирева // Функционирование русского языка как государственного в современных условиях: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 7 декабря 2012 года) / отв. ред. О. Н. Киянова. М.: РПА Минюста России, 2013. С. 105–109.
5. Мохирева С. В. Специфика интерпретации реального события в газетном дискурсе / С. В. Мохирева // Речевая коммуникация в современной России: мат-лы III Междунар. конф.: в 2 т. (Омск, 27–30 июня 2013 г.) / под ред. О. С. Иссерс. Омск, 2013. Т. 1. С. 318–326.
6. Мохирева С. В. Репрезентация вербального события в газетном медийном дискурсе: темпоральный аспект / С. В. Мохирева // Коммуникация в современном мире: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «Проблемы массовой коммуникации» (Воронеж, 16–17 мая 2014 г.) / под ред. В. В. Тулупова. Воронеж, 2014. Ч. I. С. 61–62.
7. Мохирева С. В. Интерпретирующий контекст события в газетном дискурсе / С. В. Мохирева // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 189–196.
8. Мохирева С. В. Факторы влияния на множественность интерпретаций события в СМИ / С. В. Мохирева // VII Международный лингвистический конгресс «Язык и мир» (Ялта, 5–8 октября 2015 г.): сб. науч. докл. / отв. ред. А. Н. Рудяков, Ю. В. Дорофеев; Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования. Симферополь: Форма, 2015. С. 245–247.
9. Мохирева С. В. Актуализация оппозиции «мы – они» в интерпретирующем контексте вербального события / С. В. Мохирева // Журналистика в 2014 году. СМИ как фактор общественного диалога: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. М.: МедиаМир, 2015. С. 99–100.
10. Мохирева С. В. Интерпретация события реальности и ее репрезентация в медиатекстах (на примере российской прессы) [Электронный ресурс] / С. В. Мохирева // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. URL: <http://e-koncept.ru/2016/96379.htm>.
11. Мохирева С. В. Интерпретация события реальности в медиатексте: диктумно-модусный аспект [Электронный ресурс] / С. В. Мохирева // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: мат-лы V Конгресса РОПРЯЛ (Казань, 4–8 октября 2016 года): Вып. 5. СПб.: РОПРЯЛ, 2016. 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 386–389.

Подписано в печать 16.03.2017. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,5. Тираж 120 экз. Заказ № 58

Адрес издательства и типографии ООО «АИ «Кузбассвуиздат»:
650099, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, 60Б.
Тел. 8 (3842) 36-36-00.
E-mail: 58293469@mail.ru, vuzizdat@gmail.com

